

НАВИГАЦИЯ ПО АКСЕЛЕРАЦИОНИЗМУ: ОТ НЕКАПИТАЛИЗМА К ПОСТКАПИТАЛИЗМУ ЧЕРЕЗ ПЛАТФОРМЫ

Морозов Артем Владимирович (а)

(а) Институт философии РАН. 109240, ул. Гончарная, д. 12, стр.1, Москва, Российская Федерация.
E-mail: cmpelok@gmail.com

Аннотация

Рецензия на книгу: Срничек, Н. (2019). *Капитализм платформ*. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики.

Ключевые слова

Акселерационизм, марксизм, нефилософия, некапитализм, посткапитализм, утопия, теоретические фикции, цифровая экономика, данные, платформы

Это произведение доступно по [Creative Commons Attribution-NonCommercial-NoDerivatives 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/)

NAVIGATING ACCELERATIONISM: FROM NON-CAPITALISM TO POSTCAPITALISM VIA PLATFORMS

Artem Vladimirovich Morozov (a)

(a) Institute of Philosophy Russian Academy of Science. 12 Goncharnaya str., 1, Moscow, Russia, 109240. E-mail: cmpelok@gmail.com

Abstract

Book Review: Srnicek, N. (2019). *Platform Capitalism*. Moscow: HSE Publishing House.

Keywords

Accelerationism, Marxism, non-Marxism, non-philosophy, non-capitalism, postcapitalism, utopia, theory-fiction, digital economy, data, platforms

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution-NonCommercial-NoDerivatives 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/)

Вышедшая на русском языке работа политического теоретика и левого философа Ника Срничека «Капитализм платформ» уже успела стать предметом нескольких рецензий и критических обзоров. Некоторые авторы сосредотачиваются непосредственно на содержании книги (Иваницкая, 2019, 7 марта; Хумарян, 2019), в то время как другие затрагивают генеалогию идей Срничека, возводя ее к деятельности «Группы исследований киберкультуры» (ГИКК, *CCRU*) и идеям Фредрика Джеймисона, будь то в отрицательном или положительном ключе (Павлов, 2019; Сафронов, 2019). В настоящей рецензии, подобно второй группе авторов, я обращусь к рассмотрению концептуальных источников взглядов Срничека с тем, чтобы поместить «Капитализм платформ» в более широкий теоретический контекст. Вместе с тем, на мой взгляд, главнейшим источником акселерационизма Срничека выступила нефилософия Франсуа Ларюэля. Именно нефилософская оптика позволила Срничеку переосмыслить позиции Жюлья Делёза и Феликса Гваттари, Майкла Хардта и Антонио Негри, Фредрика Джеймисона, Ника Ланда и ГИКК. Благодаря нефилософии Срничек смог представить свою критику экономической структуры (или «Решения», если воспользоваться термином Ларюэля), лежащей в основе капитализма на текущей стадии его развития, в «Капитализме платформ».

В 1970-х годах, когда он только начинал публиковаться, Ларюэль был одним из первых внимательных читателей и почитателей Делёза и Деррида; но уже в 1980-х он стал планомерно подвергать критике философии различия (Laruelle, 2010), с которыми фактически отождествил весь постмодернизм (Laruelle, 2016, p. xi, 9–10), и отдавать предпочтение тождеству и Единому в противовес различию и множественности. Даже больше того — его скепсис обрушился на философию как таковую: не будучи провозвестником «конца» или «смерти» философии (потому что это постмодернистская тема), Ларюэль стремился умерить пыл философии, ее авторитарные претензии, поставить ее в рамки и что-то с философией сделать, а не отменить ее. Отрицательная приставка в «нефилософии» Ларюэля отсылает вовсе не к деструкции или же деконструкции, а к генерализации: Ларюэль будто бы реверсирует «философию „не“» Гастона Башляра и начинает применять его фирменное «не-» (не только неевклидова геометрия, но еще и неаристотелева логика, нелавуазианская химия, некартезианская эпистемология и т. д., и т. п.) за пределами философии науки, производя неэпистемологию, основанную на немандельбротовской — или «обобщенной» — фрактальности (Laruelle, 2016), немарксизм (Laruelle, 2015) и прочие

дисциплины из их прототипов посредством их дефилозофизации (Ларюэль, 2013, стр. 20), которую он также называет, прибегая к сравнению из экономики, «антиростом» (*décroissance*) философии (Laruelle, 2012b).

Будучи генерализацией философии, нефилософия представляет собой «науку о философии», которая, тем не менее, не совпадает с метафилософией: рефлексивность всегда уже вписана в структуру любой философии, и именно она выступает мишенью Ларюэля. В отличие от Альтюссера, который также мечтал о «нефилософской теории философии» (Альтюссер, 2005, стр. 14) и стремился избавить ученых (то есть «нефилософов») от стихийной философии, Ларюэль критикует стихийную философию философов, заражающую всех остальных. Задача уже не в том, чтобы привести ученых (и прочих «нефилософов») от ученого незнания подлинной философии к ученому ее знанию, которое бы даровало истинную репрезентацию объектов науки и мысли, а в том, чтобы начать смотреть на мир и философию (всегда уже спаянную с миром и модусами явленности мира) *исходя* из неученого, нерефлексивного знания, смещая упор с представления объекта на прослеживание практик, диктуемых Реальным, которое, определяя мысль, остается ей недоступным.

К трудам Ларюэля Срничек обратился еще до написания совместного с Алексом Уильямсом «Манифеста акселерационистской политики» (Уильямс, Срничек, 2018). Собственно, в своих первых философских статьях, не раз подвергавшимся переработке (Srnicek, 2009, 2011a; ср.: Srnicek, 2010, 2011b), Срничек пытается разъяснить непривычные, выглядящие довольно эзотерическими принципы нефилософии. Особенное внимание он уделяет понятиям материи (Реального), философского Решения, детерминации в последней инстанции, которая заимствуется из альтюссеровского прочтения Энгельса, и, наконец, силы(-)мысли (фр. *force (de) pensée*, образовано по аналогии с *force de travail* — «рабочей силой» в переводах Маркса и Энгельса на французский). Срничек, разумеется, производит экспликацию нефилософских понятий не просто так. По его мнению, нефилософия может оказаться крайне полезной в контексте критики капитализма, с идеологией которого совпадает философия в смысле Ларюэля: капитализм как идеология и есть не что иное, как господствующий ныне модус явленности мира. «Легко увидеть, что „философское“ Решение ровно в той же мере Решение „политическое“, будучи „экономическим“» (Srnicek, 2011a, p. 175). Речь, таким образом, идет о построении своего рода «некапитализма» (Srnicek, 2011a, p. 177).

Что же не так с философией, по мнению Ларюэля? Дело состоит не в содержании акта философского высказывания, а в самой его форме: философия может быть сколь угодно материалистической согласно ее букве, но в своей структуре — в Решении — она неминуемо вовлекает материю в двусторонние и взаимобратимые отношения с идеальным. И такую структуру, которая во многом сходна с трансцендентальной дедукцией Канта, Ларюэль обнаруживает повсеместно в Европе и англосаксонском мире — как до Канта, так и после него, как в континентальной философии, так и в аналитической. Если упростить его анализ, Решение состоит из эмпирического *datum*, или обусловленного, априорного *faktum*, или условий, и их синтетического единства, положенного как данное (Srnicek, 2011a, p. 166). Именно на основании подобного Решения, к которому она сама остается слепа, причем в силу избытка рефлексии, а вовсе не нехватки, философия утверждает собственную самодостаточность: весь мир оказывается «философизируемым». Даже если только в принципе, если только отрицательно и т. д., как это происходит в постмодернистских философиях, вращающихся вокруг Другого, инаковости и их невыразимости.

Возникает естественный вопрос: чем ларюэлево Реальное, которое у него также именуется Единым, отличается от невыразимого «Иного, чем бытие» (Левинас), коль скоро это Единое оказывается недоступным мысли, «отлученным» от нее? Дело заключается в том, что

«нефилософское Единое, в отличие от неоплатонического, отнюдь не невыразимо: скорее, оно бесконечно выразимо» (Srnicek, 2011b, p. 6).

И бесконечная выразимость как раз отражается в детерминации, идущей от материи в «сторону» (которая является единственной — это улица с «унилатеральным» движением) мышления, философии. Это мысль отличается и потому отлучается от Реального, само же Реальное, напротив, себя от нее не отличает: оно буквально остается безразличным. Вот почему нефилософия делает ставку на тождество, а вовсе не на синтез, и в имени «Единое» подразумевается как раз тождественность, а не единственность, коль скоро (количественные) различия относятся к области философии. Существующее множество философий находится отнюдь не в отношении противоположности, соперничества, несовместимости или исключения. Ситуация может выглядеть таким образом с их стороны, но не для материи, к которой

они прибавляются на протяжении истории и символизацию и именование которой они производят в своих понятиях.

В такой односторонней дуальности и состоит, по Ларюэлю, детерминация в последней инстанции. Луи Альтюссер обратился к этому понятию Энгельса для того, чтобы описать взаимоотношения базиса и надстройки: надстройка обладает некоторой долей автономии (и потому она полагает себя самодостаточной), но «в конечном счете» степень ее воздействия и влияния на все происходящее в рамках общественных формаций определяет экономический базис. Ларюэль в целом перенимает подобного рода модель (не)отношений, но выводит ее за пределы экономической области, ведь если в качестве базиса выступает радикально имманентное Реальное, то базис уже никак не может исчерпываться предикатом «экономический». Тем не менее, двусмысленность термина играет некоторую роль в мысли самого Ларюэля (ср. «антирост», а также сходство отношения ограниченной философии и обобщения нефилософии с экономической моделью Жоржа Батая, к которой отсылает заглавие докторской диссертации Ларюэля: «Общая экономика бытийных следствий» (Laruelle, 1975)) и, как мы увидим далее, Срничека.

Но что «в конечном счете» делает нефилософия? Или, иными словами, как выстраивается некапитализм? Нефилософ опирается на детерминацию в последней инстанции Решения материей, которая сама детерминирована-без-детерминации, на детерминацию, о которой философия не знает, с тем, чтобы Решение «клонировать» и использовать в качестве материала для обобщения, формирующего своеобразное «непространство» (Srnicek, 2011a, p. 172), исходя из которого претензии философско-капиталистической идеологии на достаточность подвешиваются нами таким образом, что идеология оказывается преобразена: теперь она функционирует так, как если бы никак не отделялась от Реального. Происходит это за счет вмешательства в диаду, конститутивную для Решения — «реальный» термин в ней отделяется от его отношений с «идеальным» термином и отождествляется с Единым, пускай только «в конечном счете». Так, «виртуальное» Делёза или «множество» Хардта–Негри изолируется от отношений с «актуальным» или капиталистическим «социусом» (Srnicek, 2011a, p. 168–169, 177). В этом и заключается труд силы(-)мысли — вот ее определение:

«Орган или средство, благодаря которому Единое может действовать или обладать причинностью, не отчуждаясь в материале своего действия. Инстанция не реальная, как Единое, но выведенная путем клонирования» (Ларюэль, 2013, стр. 28).

Таков некапиталистический субъект, но субъект, который полностью отстранен (потому Ларюэль также называет силу(-)мысли «субъектом-суть-Посторонним») от каких бы то ни было внешних определений, будь то классовых, культурных или этнических: перед нами чистая трансцендентальная функция, совпадающая с тем, что она исполняет (Srnicek, 2011a, p. 171).

Остается последний вопрос — да, мы видим, откуда исходит субъект революции (из «непространства» сопротивления), но куда он направляется, каков пункт его назначения? Нефилософия в описании Срничека не дает нам ответа; по его словам, будучи радикальным реализмом, нефилософия не может предписывать конкретную этику и политику, которые всегда, так или иначе, предполагают децизионизм. Тем не менее, в намерения Срничека все же входит построение нового, расширенного Решения, иными словами, нового мира (Srnicek, 2011a, p. 179), который он позже назовет посткапитализмом (Шрничек, Уильямс, 2018, стр. 13–15; Srnicek, Williams, 2015).

Сопоставив ранние тексты Срничека с дальнейшим его творчеством, нетрудно заметить очевидные сходства между проектом некапитализма и политикой акселерационизма. Последняя состоит в таком использовании материальной инфраструктуры капитализма, которое бы высвободило сдерживаемый им же самим технический и экономический потенциал. Акселерация Срничека и Уильямса, по сути, функционирует как ларюэлевская генерализация. Капитализм не отрицается, а берется как материал для построения посткапитализма. Технологический прогресс рассматривается как «реальный» термин и затем изолируется от «идеальной» капиталистической телеологии, сдерживающей развитие производственных сил и ограничивающей область их применения узкими и неизобретательными задачами ради поддержания потребительского спроса. Рефлексивность капитализма, роднящая его с философией в смысле Ларюэля, состоит в постоянной интериоризации сотрясающих его кризисов. Платформы, в свою очередь, оказываются не чем иным, как «воплощением материального трансцендентального нашего общества» (Шрничек, Уильямс, 2018, стр. 15). Мы не видим в манифесте обозначения того, кто будет составлять «революционный класс», авторы ограничиваются самоназванием (кто по-настоящему сопротивляется — тот и

акселерационист), что также согласуется с влиянием нефилософии, использующей имена как символы трансцендентальных функций в рамках абстрактной аксиоматики.

Отметим, что жест генерализации воспроизводится Срничеком и Уильямсом в критике их непосредственного предшественника Ника Ланда, которого зачастую называют отцом акселерационизма: Ланд «путает скорость и ускорение» в стремлении «двигаться быстро, но только в четко очерченных капиталистических параметрах, которые сами при этом не изменяются», и потому он остается неолибералом, то есть правым (Шрничек, Уильямс, 2018, стр. 10). Иными словами, прибегая к ларюэлианской риторике, мы могли бы сказать, что проект Срничека и Уильямса представляет неландианский акселерационизм, опирающийся на обобщенное ускорение. Последнее, кроме прочего, осмысляется ими с помощью гиперверия — понятия ГИКК, которое обозначает вымысел, стремящийся претвориться в реальность (Бауэр, Томажин, Ланд, 2018, стр. 35; Шрничек, Гуреев, 2018, стр. 101–102). Фикции гиперверия служат эстетическим дополнением к когнитивной карте неолиберализма, выстраиваемой с помощью науки (Срничек, 2016; Шрничек, Уильямс, 2018, стр. 14–15), являются сопутствующей ей научной фантастикой, *science fiction*. Образцом гиперверий для Срничека и Уильямса выступают утопические повествования — и даже больше того:

«Утопии суть воплощения гиперверий прогресса» (Срничек, Уильямс, 2019, стр. 201–202).

В этом моменте вновь обнаруживается пересечение акселерационизма и/или посткапитализма Срничека с проектом Ларюэля, но на сей раз более поздним. Если его нефилософию можно назвать негативной программой, то продолжающая ее «фило-фикция» (*philo-fiction*) позитивна, хотя и не в смысле позитивности науки: речь идет об

«изготовлении и производстве утопий из философского или прочего материала» (Laruelle, 2012a, p. 12),

о некой «философской фантастике», которая исходит из недостаточности господствующей идеологии и самого Реального для того, чтобы наметить различные их расширения. За отсутствие подобной программы Срничек и подверг критике Ларюэля, вероятно, по причине незнакомства с поздними его работами.

Таким образом, антиутопизм постмодернизма компенсируется утопизмом «не-постмодернизма» Ларюэля и Срничека, опирающихся на теоретические фикции. Заметим, что на одном из форумов ГИКК Ланд, чье письмо не так уж и легко отличить от постмодернистского (Павлов, 2019, стр. 13), в ходе обсуждения гиперверия прибегает к сравнениям с нефилософией Ларюэля (Hyperstition, 2005, March 30). Кроме того, как и Ларюэль, который постоянно упирает на материальность мысли и на необходимость ее рассмотрения как практики (отсюда и риторика «материала»), Ланд утверждает:

«Гиперверие именно что вещь, а не концепт... смысл гиперверия состоит в эксперименте, который делает себя реальным, если он работает» (Бауэр, Томажин, Ланд, 2018, стр. 35).

Ниже мы увидим, что эта риторика, будучи транспонированной в иные области, подспудно присутствует и в теоретическом бэкграунде «Капитализма платформ» Срничека, играя в нем довольно значительную роль.

Если акселерационизм движется от некапитализма (утопии как непространства критики в ранних статьях Срничека и в «Манифесте») к посткапитализму (положительной утопии, которую только намечает предыдущая работа «Изобретая будущее» (Срничек, Уильямс, 2019)), то делает он это через анализ капиталистического Решения, начало которого было положено в «Капитализме платформ». Данный анализ ограничивается экономикой и сосредотачивается на капитале, а не на труде, также Срничек отказывается от рассмотрения платформ в политическом и культурном срезе, ведь из всей надстройки в смысле Ларюэля все же именно экономика проливает больше всего света на Решение. К тому же, политика вытекает из экономики платформ, выбор которых в качестве главного актора капитала в достаточной мере очевиден: пусть платформы пытаются представить себя как «всего лишь сосуд, наполняемый рыночными силами», в преломлении платформ из этих сил выковывается «образ нового рынка» (Срничек, 2019, стр. 45). Поэтому гегемония платформ выступает как трансцендентальное нашего общества. Однако отставим на время в сторону ларюэлевское понимание материи и материальности (хотя оно, несомненно, сказывается в подходе Срничека) и спросим: почему трансцендентальное материально, если платформы определяются как

«цифровые инфраструктуры, которые позволяют двум и более группам взаимодействовать»? (Срничек, 2019, стр. 41)

Ведь если постфордистский капитализм является преимущественно цифровым и ориентированным на информацию и коммуникацию, разве он не характеризуется все возрастающей дематериализацией труда и когнитивизацией капитала?

Дело в том, что данным, которые представляют собой ресурс платформ, следует дать верное определение. Данные ни в коем случае нельзя путать или смешивать со знанием — в обоих случаях речь идет об информации, однако данные необязательно включают в себя знание. Во-первых, знание — это информация о причинах событий, которая может фиксироваться или не фиксироваться на накопителях (по крайней мере, в узком технологическом/медиалогическом смысле), в то время как данные — информация всего лишь о фактах свершения событий, однозначно фиксируемая на тех или иных носителях, которые потребляют энергию. Во-вторых, верно, что данные производятся действиями пользователей, однако Срничек не полагает в духе, скажем, итальянского постопераизма, будто бы данные представляют собой прибавочную стоимость «нематериального» — когнитивного или аффективного — труда, которая извлекается платформами. Клики остаются кликами безотносительно того, что за ними стояло в плане субъективности: пускай держателя платформы и могут интересовать переменчивые желания пользователей, в зарегистрированной их активности они отражаются лишь только предположительно. Речь здесь идет буквально о *сырье*, причем в точности по Марксову его определению, приводимому Срничком:

«...если сам предмет труда уже был, так сказать, профильтрован предшествующим трудом, то мы называем его сырым материалом, например, уже добытая руда, находящаяся в процессе промывки» (Срничек, 2019, стр. 38).

Труд пользователей, рутинный, нежели интеллектуальный, был необходим, но не достаточен — данные требуется еще «промыть», очистить, чтобы использовать далее для оптимизации процессов производства, обучения алгоритмов, координации столь же малоинтеллектуального, но по сути своей рабского труда наемных работников и подрядчиков, поддерживающего узкую квалифицированную прослойку и рантье — держателей платформ, в результате чего будут добыты новые данные, что позволит затем извлечь еще данные и т. д.

Исходя из такой перспективы, Срничек скептически подходит к многочисленным заявлениям о том, что мы живем в радикально новом мире «четвертой промышленной революции», ознаменованной переходом к «экономике знаний» (или «умной», или «когнитивной», или...). В мировой экономике, несомненно, произошли важные изменения, о чем и свидетельствует расцвет платформ, однако их масштаб не стоит преувеличивать. Чтобы должным образом оценить его, следует поместить их в исторический контекст предшествующей последовательности вызовов и ответов, а затем выявить линии преемственности и точки расхождений, что Срничек и делает в первой главе книги.

Срничек сжато описывает три эпизода, проясняющих становление капитализма платформ. Во-первых, это послевоенный закат фордизма, пришедшийся на 1970-е годы, ознаменовавшийся кризисом перепроизводства, понижением прибыльности в промышленном секторе и переходом от стабильности и надежной занятости к гибкости и бережливим бизнес-моделям. Здесь впервые заявляет о себе тенденция к выводу услуг на аутсорсинг, которая в дальнейшем при каждом сотрясении экономики лишь усиливалась. Во-вторых, это так называемый «бум доткомов», то есть 1990-е годы с беспрецедентным уровнем инвестиций в компьютерные и информационные технологии. В 2001 году бум обернулся пузырем и лопнул, но вскоре (после вмешательства центрального банка США в кредитно-денежную политику после теракта 11 сентября) снижение ставок по ипотеке привело к росту инвестиций в жилищный сектор, создав тем самым условия для технологической революции. В-третьих, это кризис 2008 года: цены на жилье достигли предела и стали снижаться, и вслед за жилищным сектором стал осыпаться финансовый. Мягкая монетарная политика привела к обращению частного долга в государственный, сбережения корпораций, прибегнувших к режиму строгой экономии, росли, а «гавани» для уклонения от налогов расширялись, из-за чего возник избыток наличности, которую для извлечения прибыли срочно требовалось во что-то вложить. Так укрепился рост технологических компаний, трансформировавшийся в расцвет платформ.

Итак, в первой главе Срничек показывает, что платформы являются собой продолжение предшествующей экономической цепочки, а потому технологический сектор подчиняется капиталистической логике ровно в той же мере, что и остальные, представляющиеся более «материальными» сектора. Во второй же он ставит задачу продемонстрировать, в чем же именно заключались новшество и

отличие платформ, и предоставить их классификацию. В третьей Срничек выделяет тенденции развития платформ и называет вызовы, которые они нам бросают, после чего кратко обозначает возможные способы ответа на них.

Новый момент, как было отмечено ранее, состоит в переориентации на данные как основной ресурс. Данные и прежде задействовались в предыдущих бережливых бизнес-моделях, однако, куда в меньшем масштабе. Но стремительное удешевление технологий их регистрации в начале XXI века привело к открытию громадных массивов данных и возникновению целых отраслей, сосредоточенных на их извлечении и использовании в целях оптимизации производства, контролирования работников, анализа предпочтений, развитию рекламы и т. д. Данные обрели системное значение.

Срничек выделяет пять «идеальных» (поскольку в реальности они переплетаются) типов платформ в соответствии с задачами, которые они решают: *рекламные*, занимающиеся извлечением и анализом данных (Google, Facebook), *облачные*, сдающие в аренду софт и оборудование (Amazon), *промышленные*, создающие оборудование и софт для перевода традиционного производства в русло цифровой экономики (GE), *продуктовые*, трансформирующие товары в услуги в режиме «по требованию» и извлекающие из этого доход за счет использования других платформ (музыкальные сервисы, всевозможные агрегаторы), и *бережливые*, которые минимизируют собственные активы и по максимуму сокращают издержки (Uber).

Платформы задают базовую архитектуру правил игры, которая сама оказывается продуктивной в плане извлечения данных, когда, например, доступ к созданию приложений открывается для сторонних разработчиков или когда социальная сеть предоставляет рекламное пространство для других компаний. Децизионистски формируя «образ нового рынка», платформы могут позволить себе действовать вопреки и актуальному спросу: так, Uber запускает в своем приложении фантомные машины или поднимает цены еще до того, как повысится спрос. Эта тенденция достигла пика, пожалуй, в феномене интернета вещей, когда бытовые предметы стали массово снабжаться датчиками, — пользователи были далеко не так заинтересованы в его развитии, как платформы, протянувшие «щупальца в мир повседневности» (Срничек, 2019, стр. 90) в стремлении к экспансии и в поиске новых данных.

Всем платформам свойственна тенденция к монополизации. В самом деле, платформы выживают главным образом за счет сетевых

эффектов — их ценность измеряется числом пользователей, и дело зачастую не столько в доходности предоставляемых ими услуг (они вполне могут быть и бесплатными), сколько в возможности получить больше данных и создать за их счет стоимость. Количество здесь преобладает над качеством: *каждое* действие пользователя работает на совершенствование алгоритмов. Соответственно, за пользователей ведется ожесточенная борьба, причем форма конкуренции претерпевает изменения. Все меньше конкуренции по поводу цен, и разница между ценами и издержками, которую бережливые платформы максимизируют посредством обращения к перекрестному субсидированию, играет все меньшую роль для остальных платформ по сравнению с вопросом извлечения и хранения данных. Так, алгоритм вполне можно выложить в открытый доступ, как только собрано достаточно данных. В пределе платформы стремятся замыкаться в экосистемах, которые изолируют пользователей от их конкурентов: например, создаются эксклюзивные приложения для определенной мобильной операционной системы или услуги, доступные лишь при авторизации в той или иной социальной сети.

Самыми проблемными типами Срничек считает рекламные и бережливые платформы. Первые сильно зависят от кризисов, да и интернет-реклама переживает не лучшие времена из-за девальвации и популярности приложений-блокировщиков, хотя последний фактор в большей мере затрагивает платформы, ориентированные на открытый интернет, такие как Google, чем приложения соцсетей типа Facebook. Однако тенденция к замыканию может привести к тому, что «открытого веба» как такового больше не будет: интернет разобьется на автономные и независимые сегменты, множество «частных интернетов». Бережливые же платформы чересчур архаичны. Они целиком зависят от избыточного капитала, высокая прибыльность невозможна, а аутсорсинг, по мнению Срничека (с которым, однако, спустя три года после выхода книги трудно согласиться), себя исчерпал, так что рассматривать их как модель, которая задает видение будущей экономики, не стоит, и «в ближайшие годы они рассыплются, как картонный домик» (Срничек, 2019, стр. 79). Uber уникален только лишь из-за спроса, тогда как остальные платформы данного типа не подразумевают столь высокую регулярность их использования.

Какова же общая тенденция развития капитализма платформ, с точки зрения Срничека? Платформы будут множиться и замыкаться в силу конкуренции. Приложения, по всей вероятности, восторжествуют над открытым вебом, а провал в рекламном секторе

пошатнет позиции таких компаний, как Google и Facebook, относительно подобных Amazon. Бережливые платформы либо схлопнутся, либо трансформируются в продуктовые. Усилится тенденция к взиманию ренты или комиссии за те или иные операции, преимущественно в виде микроплатежей: условно говоря, «умная» дверь может потребовать плату за вход или выход, как в романе Филипа Дика «Убик».

На фоне достаточно глубокого и емкого анализа функционирования платформ в настоящем и предсказаний по поводу их развития, порой несколько сомнительных, но все же представляющих интерес, стратегия, предлагаемая Срничеком в конце книги, выглядит обескураживающей. Срничек, пускай и неохотно, частично делает ставку на национализацию платформ и введение антитрастового законодательства, которое бы разбивало монополии, сдерживало эксплуатацию и регулировало обращение с данными. Как он сам признает, «возможно, все эти действия необходимы, но... они все же не поражают воображение оригинальностью или масштабом». Более предпочтительным решением было бы создание «общественных платформ — таких, которые принадлежат „простым“ людям и контролируются ими» (Срничек, 2019, стр. 113), проводимое, однако, опять-таки при поддержке государства, хотя по итогу такие платформы должны стать независимы от его надзора. Для создания посткапиталистических платформ Срничек, по сути, предлагает прибегнуть к своего рода «антиросту», используя в качестве сырья ныне существующие платформы. Это может представляться заманчивым ходом в абстракции, но переход от пустого субъекта сопротивления «Манифеста» к государству как последней инстанции в «Капитализме платформ» кажется чересчур поспешным Решением.

Как бы то ни было, материалистичность анализа понятия данных резко выделяет Срничека на фоне многих других исследователей и философов левого направления, которые в попытке критиковать новую капиталистическую идеологию, скорее, поддались ее очарованию.

Список литературы

- Hyperstition. (2005, March 30). *Fictions and Number: Social and Material Hyperstition*. Retrieved from <http://hyperstition.abstractdynamics.org/archives/005284.html>.
- Laruelle, F. (1975). *Economie générale des effets d'être*. Doctoral Dissertation. Paris.

- Laruelle, F. (2010). *Philosophies of Difference: A Critical Introduction to Non-Philosophy*. New York: Continuum.
- Laruelle, F. (2012a). *Struggle and Utopia in the End Times of Philosophy*, Minneapolis: Univocal.
- Laruelle, F. (2012b). The Degrowth of Philosophy. In F. Laruelle (Auth.) & R. Mackay (Ed.). *From Decision to Heresy* (pp. 327–349). Falmouth, New York: Urbanomic, Sequence Press.
- Laruelle, F. (2015). *Introduction to Non-Marxism*, Minneapolis: Univocal.
- Laruelle, F. (2016). *Theory of Identities*. New York: Columbia University Press.
- Srnicek, N. (2009). Capitalism and the Non-Philosophical Subject. *Pli*, (20), 28-54.
- Srnicek, N. (2010, March 3). François Laruelle and the Non-Philosophical Tradition. *Speculative Heresy*. Retrieved from <http://speculativeheresy.files.wordpress.com/2010/03/srnicek-nick-laruelle-and-the-non-philosophical-tradition.pdf>.
- Srnicek, N. (2011a). Capitalism and the Non-Philosophical Subject. In L. Bryant, N. Srnicek & G. Harman (Eds). *The Speculative Turn: Continental Materialism and Realism* (pp. 164–181). Melbourne: re.press.
- Srnicek, N. (2011b). François Laruelle, the One and the Non-Philosophical Tradition. *Pli*, (22), 187-198. Preprint version. Retrieved from [http://kclpure.kcl.ac.uk/portal/en/publications/francois-laruelle-the-one-and-the-nonphilosophical-tradition\(edf30549-9f4e-4645-a176-a0e4e19b6d9d\).html](http://kclpure.kcl.ac.uk/portal/en/publications/francois-laruelle-the-one-and-the-nonphilosophical-tradition(edf30549-9f4e-4645-a176-a0e4e19b6d9d).html).
- Альтюссер, Л. (2005). *Ленин и философия*. Москва: Ад Маргинем.
- Ланд, Н., Бауэр, М. & Томажин, А. (2018). «Фрагментация — вот единственная стратегия». Интервью с Ником Ландом. *Философско-литературный журнал Логос*, 28(2), 31-54.
- Ларюэль, Ф. (2013). Словарь нефилософии. *Синий диван. Философско-теоретический журнал*, (18), 7-30.
- Иваницкая, Е. (2019, 7 марта). Демонический капитализм платформ и как с ним бороться. *Инвест-Форсайт*. Получено из: <http://if24.ru/demonicheskij-kapitalizm-platform-i-kak-s-nim-borotsya/>.
- Павлов, А. (2019). Постмодернистский ген: является ли посткапитализм постпостмодернизмом? *Философско-литературный журнал Логос*, 29(2), 1-24.
- Сафронов, Э. (2019). Как акселерационизм превратился в платформенный капитализм. *Философско-литературный журнал Логос*, 29(3), 279-289.

- Срничек, Н. (2016). Навигация по неолиберализму: политическая эстетика в эпоху кризиса. *Художественный журнал*, (99), 90-103.
- Срничек, Н. (2019). *Капитализм платформ*. Пер. с англ. М. Добряковой, Москва: Издательский дом Высшей школы экономики.
- Срничек, Н. & Уильямс, А. (2019). *Изобретая будущее: посткапитализм и мир без труда*. Пер. с англ. Н. Охотина. Москва: Стрелка-Пресс.
- Уильямс, А. & Шрничек, Н. (2018). Манифест акселерационистской политики. *Философско-литературный журнал Логос*, 28(2), 7-20.
- Хумарян, Д. (2019). «Капитализм платформ» Ника Срничека: кризис — реакция — бум — кризис — и снова реакция. *Экономическая социология*, 20(3), 164-179.
- Шрничек, Н. & Гуреев, А. (2018). «Термин „акселерационизм“ стал бесполезным». Интервью с Ником Шрничеком. *Философско-литературный журнал Логос*, 28(2), 87-102.

References

- Hyperstition. (2005, March 30). *Fictions and Number: Social and Material Hyperstition*. Retrieved from <http://hyperstition.abstractdynamics.org/archives/005284.html>.
- Laruelle, F. (1975). *Economie générale des effets d'être*. Doctoral Dissertation. Paris.
- Laruelle, F. (2010). *Philosophies of Difference: A Critical Introduction to Non-Philosophy*. New York: Continuum.
- Laruelle, F. (2012a). *Struggle and Utopia in the End Times of Philosophy*, Minneapolis: Univocal.
- Laruelle, F. (2012b). The Degrowth of Philosophy. In F. Laruelle (Auth.) & R. Mackay (Ed.). *From Decision to Heresy* (pp. 327–349). Falmouth, New York: Urbanomic, Sequence Press.
- Laruelle, F. (2015). *Introduction to Non-Marxism*, Minneapolis: Univocal.
- Laruelle, F. (2016). *Theory of Identities*. New York: Columbia University Press.
- Laruelle, F. (2013). Dictionary of Non-Philosophy. *Blue Coach. Philosophical and Theoretical Journal*, (18), 7–30.
- Srniczek, N. (2009). Capitalism and the Non-Philosophical Subject. *Pli*, (20), 28-54.
- Srniczek, N. (2010, March 3). François Laruelle and the Non-Philosophical Tradition. *Speculative Heresy*. Retrieved from

- <http://speculativeheresy.files.wordpress.com/2010/03/srnicek-nick-laruelle-and-the-non-philosophical-tradition.pdf>.
- Srnicek, N. (2011a). Capitalism and the Non-Philosophical Subject. In L. Bryant, N. Srnicek & G. Harman (Eds). *The Speculative Turn: Continental Materialism and Realism* (pp. 164–181). Melbourne: re.press.
- Srnicek, N. (2011b). François Laruelle, the One and the Non-Philosophical Tradition. *Pli*, (22), 187-198. Preprint version. Retrieved from [http://kclpure.kcl.ac.uk/portal/en/publications/francois-laruelle-the-one-and-the-nonphilosophical-tradition\(edf30549-9f4e-4645-a176-a0e4e19b6d9d\).html](http://kclpure.kcl.ac.uk/portal/en/publications/francois-laruelle-the-one-and-the-nonphilosophical-tradition(edf30549-9f4e-4645-a176-a0e4e19b6d9d).html)
- Althusser, L. (2005). *Lenin and philosophy*. Moscow: Hell Margin.
- Land, N., Bauer, M. & Tomažin, A. (2018). “The Only Thing I Would Impose is Fragmentation”. Interview with Nick Land. *Logos. Philosophical and Literary Journal*, 28(2), 31-54.
- Ivanitskaya, E. (2019, March 7). Demonical Platform Capitalism and How to Struggle with It. *Invest Foresight*. Retrieved from <http://if24.ru/demonicheskij-kapitalizm-platform-i-kak-s-nim-borotsya/>.
- Pavlov, A. (2019). The Postmodern Gene: Does Post-Capitalism Mean Post-Postmodernism? *Logos. Philosophical and Literary Journal*, 29(2), 1–24.
- Safronov, E. (2019). How Accelerationism Turned into Platform Capitalism. *Logos. Philosophical and Literary Journal*, 29(3), 279–289.
- Srnicek, N. (2016). Navigating Neoliberalism: Political Aesthetics after the Crisis. *Moscow Art Magazine*, (99), 90–103.
- Srnicek, N. (2019). *Platform Capitalism*, trans. M. Dobryakova. Moscow: HSE Publishing House.
- Srnicek, N. & Williams, A. (2019). *Inventing the Future: Postcapitalism and a World Without Work*, trans. N. Okhotin. Moscow: Strelka-Press.
- Williams, A. & Srnicek, N. (2018). Manifesto for Accelerationist Politics. *Logos. Philosophical and Literary Journal*, 28(2), 7–20.
- Khumaryan, D. (2019). Nick Srnicek’s Platform Capitalism: Crisis — Response — Boom — Crisis — and Response Again. What Do We Know about the Digital Economy? *Journal of Economic Sociology*, 20(3), 164–179.
- Srnicek, N. & Gureev, A. (2018). “The Term ‘Accelerationism’ Became Useless”. Interview with Nick Srnicek. *Logos. Philosophical and Literary Journal*, 28(2), 87–102.